

Булат ЕЛЕМЕСОВ

ҮМАЙ И ТАМУЗ

6+

Булат Елемесов

Умай и Тамуз

«Автор»

2005

Елемесов Б.

Умай и Тамуз / Б. Елемесов — «Автор», 2005

Книга казахского писателя о добре и зле, борьбе светлого против темного будет интересна тем, кто любит ночные костры, способен увидеть в языках яркого пламени знаки Великой Степи, готов услышать древние песни нашего общего дома – Евразии. Это литературная сказка, написанная по мотивам казахских легенд. Стихи разных поэтов поют герои повествования, либо использованы в эпитафиях. Посвящается Олжасу Сулейменову, чье творчество подсказало идею этого повествования.

© Елемесов Б., 2005

© Автор, 2005

Булат Елемесов Умай и Тамуз

Когда-то все вокруг было в безбрежности и бездонности, в черном мраке и ледяном холоде, ничего не было тогда еще, ни земли, ни неба. Но неожиданно среди безмолвного хаоса зародился яркий свет, и появилось золотое яйцо, из которого послышался голос:

– Я творец мира! Я первый бог и я буду родителем другим богам!

Яйцо расколосось, и из него вышел бог Тенгри в руках у которого были золотые лук и стрелы. Подняв над головой верхнюю половину скорлупы, он сделал ее Вселенной и стал метать в нее стрелы – так появились и начали свою жизнь звезды. Нижняя половина яйца стала землей, пока еще бесплодной и пустынной. Первый бог вздохнул и появился ветер, наполнив все вокруг воздухом и облаками. А потом, у самой красивой горы мироздания, он стал создавать других богов, своих помощников.

Но не все боги-помощники были верны своему творцу-Тенгри, и один из них, был низвергнут под землю. Там, в глубинах земли, он – Тамык, создал особых своих помощников – пери – противников человечеству, придумал для них загадку из магических слов, пообещав в награду Вечную Молодость. Сумел выпустить противников жизни на поверхность земли с сорока тремя другими видами демонов и злых духов. Решение магического заклинания, выраженное в стихах, породило бы долгую бурю, после которой ничего живого на земле не могло остаться. Кроме тех, кто был рожден в холодном пламени подземного мира Тамыка.

В стародавние времена, когда пламя огня еще могло рассказывать забытые ныне легенды, а природа хранила тайны, которых уже давно нет, в краю степных Иргизских озер родилась девочка и ее назвали Умай.

Солнце в этот миг, на середине глубокой сонной ночи, взметнулось золотом рассветной гривы, под ударами стремительных лучей ночная мгла затаилась у кочек и растаяла. Пробудившийся ветер, теряясь в догадках, упруго загудел меж холмов, а ставшее светлым небо, (бывало ли такое!) продолжало ярко сверкать переливами ночных звезд среди света необычайно рано разбуженного утра. Вода в озерах закипела от изобилия взволнованной рыбы, розовые фламинго важно расправили крылья, когда голубеющая высь стала белой от взлетающих аистов.

Все это увидел в Зеркале Мира старец-шаман, отшельником живший в пещере у подножия горы Тенгри.

– Свершилось! – прошептал он, потому что знал о предсказании древних мудрецов: пройдет по земле дева-Солнце, потеряют жизненные силы зложелатели, а люди продолжат из века в век путь к далеким звездным кочевьям.

– Свершилось! Она пришла в наш мир! – возвестил отшельник, выходя из пещеры, высоким облакам, и гора Тенгри стала торжественно надевать солнечный наряд, переливая радужные краски от розового и голубого цвета к зеленому.

Ворон, двадцать пять лет молчаливо просидевший у входа в пещеру старца-шамана, взволнованно каркнул, захлопал сильными крыльями и, оттолкнувшись от камня, полетел на север через снеговые хребты. Беркут, круживший у облаков, увидев спешившую черную птицу, бросился в погоню, подчиняясь инстинкту догнать то, что убегает. Ворон, заметив беркута, стал резко снижаться. В тот миг, когда хищник уже хотел вонзить когти, ворон шаркнулся в сторону, а беркут успел лишь оторвать ему крыло. Раненный, он упал в глубокую расщелину, долгие годы будет приходить в себя, выбираться из пропасти, и продолжать путь пешком, чтобы принести первым весть о том, что: Она пришла. За что ему – ворону по имени Каратай – была обещана особая награда от царя Ульбе, повелителя колдунов.

Древние мудрецы не предвещали, но за месяц до рождения Умай в соседней юрте родился мальчик, которого назвали Тамуз. Дети, держась за руки, учились первым шагам, купались в теплых Иргизских озерах, катались зимой на санках с холмов. Шестнадцать беззаботных лет отплескало, столько же зим отвьюжило, прежде чем Тамуз стал лучшим в стрельбе из лука, самым искусным в борьбе. А косы Умай, словно степь после жаркого лета, желтые потоки созревшего проса утяжеленные звонкими шолпами, стали касаться земли. Где бы она не была мягкая доброта, будто лебедиными крыльями окутывала все вокруг. А взгляд глаз цвета абрикосовой косточки, в оправе густых ресниц!.. Песни многих акынов о красоте этой девушки птицей летели по степным просторам.

В апрельскую пору, когда весна, переполненная силой жизни, расплескивала буйство зелени, в праздничную последнюю ночь весеннего равноденствия, Тамуз и Умай были среди своих сверстников, там, где у ярких костров слышались смех, хороводы и песни. А под утро они взобрались на высокий холм, чтобы первыми встретить рассвет. Черное бесконечное небо в россыпях крупных звезд, клубилось над ними туманом далеких, более молодых звездочек, и, казалось, какую-то жгучую тайну хотят открыть они, мерцающая молчаливыми знаками Вечности. Но вдруг все разом словно помолодело: выступили из темноты далекие тополя, показались линии ручья, поросшего ивой, а горизонт, стал неудержимо наполняться алым светом. Умай и Тамуз почувствовали, как трепещет неудержимо весна, идущая по земле, услышали напевные прощальные звуки еще ярких, но все же угасающих звезд. Чем выше поднимался рассвет, чем гуще становился аромат проснувшихся трав, тем сильнее наполнялись их сердца горячим томительным теплом.

– Я люблю тебя, – сказала Умай, и солнце, будто ждало этих слов, ласково разорвав сумрак остатков ночи. Первым лучом осветило девушку и навсегда задержалось в длинных косах.

– И я люблю тебя, Умай, – ответил юноша, шагнул к ней, но Умай, смутившись бурно нахлынувших нежных чувств, сорвалась и побежала к засобиравшимся в аул подругам, которые увидели, как светится счастьем лицо Умай, а в косы, что касались травы, вплелся солнечный, словно золотой, луч, стекая с головы, играл за ее спиной.

... На чистое рассветное небо набежали клубясь облака, рисуя собой необычный узор, который видели те, кто давно ждал этот знак, но ни Тамуз, ни его возлюбленная лучезарная Умай, не замечали танца облаков в небе. Огромный солнечный шар показал свою макушку, а затем, торжественно пылая, поднялся над горизонтом, наполняя светом и шумом наступающий день.

К вечеру Тамуз сложил костер и, слушая журчание ручья, присел на траву. Он вспомнил, как вспыхнула заря в комах Умай после признания, какой счастливой она была улыбаясь, и он тихонько зашел:

Тихой ночью при луне луч в воде дрожит слегка,
За аулом в тишине по камням гремит река,
Листья дремлющих лесов меж собою говорят,
Темной зелени покров землю всю одел до пят.
Горы ловят дальний гул, крик пастуший в тишине,
На свиданье за аул приходила ты ко мне...
И бесстрашна и кротка, и прекрасна как дитя,
Прибежав издалека, дух с трудом переводя,
Места не было словам, помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам молча ты прильнула вдруг.
Горы ловят дальний гул, крик пастуший в тишине
На свиданье за аул приходила ты ко мне...

Вдруг он оборвал пение, и прислушался: кто-то пробирался в зарослях вербы. Вскоре из-за кустов показалось мелкое серое существо с длинным хвостом, покрытое скорее щетиной, чем шерстью. Тамуз узнал его – это был неловкий, совсем молодой шайтан Хао, обитавший в заболоченной части далеких озер. Молоденькая бородка заискивающее дернулась, а круглые глаза застреляли по сторонам:

– Дай мне свою камчу, А я тебе за это дам совет.

Сердце Тамуза сжалось в недобром предчувствии: много знал он историй о встречах с такими существами и поэтому спокойно сказал:

– Шел бы ты в свое болото – примета плохая слушать твои советы.

Хао, отбежав на безопасное место, забил злорадно хвостом.

– Ждешь свою красавицу! – засмеялся шайтан. – Не увидишь ты ее больше. Пока ты для меня камчу жалел, похитили твою невесту!

Шайтан расхохотался опять, но взметнулась длиннохвостая камча, захлестнувшись вокруг шеи злорадствующего наглеца.

– А ну говори все, что знаешь! – Юноша подтянул камчу и, предчувствуя беду, держал Хао за горло, пальцы все сильнее сжимались.

– Не души меня, – взмолился щенок. – Посмотри назад.

Тамуз оглянулся: вдали неизвестные всадники, одетые в черные накидки, поднимались по склону холма, почти достигнув вершины.

– Кто они? – еще сильнее сжались тисками пальцы на горле.

– Я не знаю... – глаза шайтана начали закатываться.

Бросив неудачного вымогателя в ручей, Тамуз резко свистнул. Из глубины пасущегося табуна, заржав, выбежал гнедой жеребец. Испуганно косясь на мокрого шайтана, подбежал к Тамузу, и тот, одним прыжком оказавшись на коне, помчался на склон холма. А шайтанчик вылез на берег, кашляя от избытка воды, и попытался прокричать: “Мы еще встретимся человек”.

Конь почувствовал нетерпение седока и стрелой выпущенной из лука бросился в погоню, но слишком уж далеко умчались черные всадники, давно заметившие преследование, в наступивших сумерках они скрылись в широких тополиных рощах у озера Иргиз. Всю ночь Тамуз пытался отыскать неизвестных, прислушиваясь к ночным звукам, но лишь мерный шум воды да шелест листвы были слышны в безлунной темноте. На рассвете послышался дробный топот копыт, и зыбком молочном тумане показались кони-люди.

– Не стреляй человек, – седой старик-лошадь поднял руки вверх, другие кентавры также подняли руки в знак миролюбия. Полный набор богатого оружия: луки с полными колчанами стрел, мечи и копыя, все зачехленное, – лежал на крупах кентавров.

– Не стреляй, – еще раз повторил старик. – У нас есть вести для тебя.

Тамуз опустил лук, люди-кони подошли ближе, и старший опять заговорил:

– Ночью мимо нас пронеслись в спешке всадники-люди... Мы их не тронули так как были заняты хозяйством, да и войны ведь нет никакой. Но ночная птица – филин рассказывала нам о тебе. Ты хочешь найти и отбить девушку, о которой мы слышали раньше, но потерял следы. Всю ночь мы мчались, ведь ты отправился в путь один, и мы готовы тебе помочь.

...Удивительным зрелищем называли люди бег кентавра. Человеческий торс, слегка откинутый назад, одно плечо, выдвинутое вперед, предполагали готовность в бою. Руки, положенные на круп либо скрещенные на груди, всегда были готовы выхватить нужное оружие. Даже спали они как обычные лошади, стоя...

Тамуз невольно залюбовался бегом человеко-лошади, существом выстрадавшим великим одиночеством, воплощенной мечтой боевого коня.

Три дня и ночи мчались Тамуз и кентавры в погоне, а если останавливались, то из-за Жельаяка: не выдерживала обычная лошадь в споре с кентаврами ни в скорости, ни в дальности перехода. К закату четвертого дня показалась река Тургай.

– Следы похитителей свежие, – заволновался сокрушаясь Мермер, старик-кентавр. – Совсем недавно они переправлялись через реку. Но дальше начинаются владения чародеев, а у нас с ними договор о мире: никто не должен нарушать установленных границ. Особенно сейчас, когда наши кентаврийки озабочены потомством, мы не должны этого делать.

– Я всегда буду помнить о вашей помощи и дальше поеду один. Прощайте! – ответил Тамуз.

– И мы помним свою историю! – гордо сказал кентавр. – Ведь мы наполовину тоже люди. Помни и ты – сердце у нас есть и лошадиное, и человеческое.

– Прощай – закричали человеко-люди. – Пусть тебе поможет великая степь!

Жалобно заржал Жельяк, но кентавры лошадиным храпом заставили покориться и зайти в воды Тургай, позволив человеку держать себя за гриву.

Усталый конь выскочил на песчаный берег, но вдруг зафыркал, наострил уши, испугано косясь на приближение заросли. Тамуз на это обратил внимание и, настороженно ступая, раздвинув кусты, увидел похитителей... В самых неожиданных позах лежали окровавленные враги Тамуза.

“А где же Умай?” – кольнуло в сердце, юноша бросился ее искать, но среди мертвых ее не было. Вдруг, ветер донес стон, переходящий в вопль кошки, и Тамуз пошел на жуткий звук, готовый к любым неожиданностям. На поляне под тополем, лицом вниз, лежало одетое в короткий волчий тулуп существо. Из глубоких прорезей вытекали ручейки крови, образуя большую лужу. Оглядевшись и убедившись, что вокруг никого нет, Тамуз подошел и перевернул раненого на спину. Это был жестырнак.

Жизнь покидала медкогонистого охотника, но простонав, он с трудом открыл глаза и увидел Тамуза, через боль, спросил:

– Что ты тут делаешь, человек?

– Где девушка? Она ведь была здесь? – Тамуз тревожно вглядывался в красные глаза жестырника.

– Они увезут ее к горам Кичитау... Там Туяк... – жестырнак уронил косматую голову на плечо, вздохнул и затих навсегда. Пальцы дрогнули, длинные острые, словно ножи, когти в последний раз стукнулись друг от друга и расслабились. Теперь Тамуз знал: попав к жестырнакам, Умай в еще большей опасности, чем прежде: нужно ее искать, надо торопиться! Юноша бросился к лошади, но ее нигде не было. Тамуз бегал по берегу, звал и свистел, но Жельяк как сквозь землю провалился. Наконец за поворотом реки он увидел следы лошади, а рядом когтистые следы Жестырника. Тамуз долго бежал, пытаясь сохранить темп, но предательски наваливалась тяжелый медью тело, легкие разрывались от частого дыхания, и, когда в наступившей темноте юноша, зацепившись ногой за нору степной крысы-суслика, упал – сил подняться уже не было, и прежде чем провалиться в сон, промелькнуло утешительная мысль: “может быть, жестернаки тоже устали?”

Когда исчезли Умай и Тамуз, никто не беспокоился. Но на второй день пришло известие, встревожившее все аулы в округе. Отцы, братья и родственники собрались на совет: Умай похищена жителями холодных лесов за Селектинскими болотами. Одинокие путники и пастухи видели Тамуза вместе с кентаврами, преследовавшими похитителей. Больше всех тревожился за судьбу Умай ее старший брат Толеу.

– За рекой Тургай, в землях пери Тамузу нужна наша поддержка. Мы знаем путь до реки, знаем, куда везут Умай... Соберем дружину, достойную боя, и отправимся на помощь! – Так

решили на совете, и рано утром, на рассвете, три сотни воинов готовых к бою, одетых по походному, ведомые старшим братом Умай, отправились в дорогу.

На заре мира божественное дыхание бога Тенгри принесло с далеких звезд на голую, пустынную землю необыкновенное зернышко из которого выросло первородное Дерево Жизни. Созревшие плоды осыпали землю, из них, разрывая упругую кожуру, на свет вышли первые птицы, первые хищники и первые жертвы. Появился не знающий ничего первый человек. Отзвенела капля веков, горы превратились в песок, а песок в камень. Разными путями пошли ветки живого мира, явив себя через листопад поколений огромным многообразием. От первого волка появились собаки и шакалы, от первого барса – кошка и рысь.

Когда люди впервые заполучили добычу, перед ними встал вопрос, как употребить ее в пищу. Для этого одни добыли огонь, изготовили посуду, придумали кров над головой. Другие, разрывая на части мясо, стали поедать его сырым и пить кровь жертв, порою нападая на себе же подобных. Люди отвергали таких, и, сбиваясь в стаи, отверженные все больше становились другой, особой ветвью от общего плода с Дерева Жизни. Ставшие хищниками приобрели зрение, способное видеть в темноте, подобно диким кошкам, слух, как у ночной охотницы совы. Главным оружием и достоинством жестырнаки, как стали их называть люди, считали длинные и острые когти. В схватках жестырнаки ударами ног и рук наносили жестокие раны противнику, даже царапина, легкий укус этого когтистого дикого существа были смертельны. Ставшие хищниками переняли у людей короткое копье и лук со стрелами, но мечи и ножи считали для себя бесполезными.

Стремление к волшебству, магии и шаманству было всегда. Но если люди учились у звезд, лечили знаниями о травах, заклиная злое, очищали путь к выздоровлению больного, то другие, те, что были очень похожи на людей, колдовали для корысти и власти.

Те, другие, не были созданы богом и не являлись плодом от Дерева Жизни. Рожденные во зло всему живому, общались с миром мертвых, с тем, кто их создал – Тамыком, разгадывая его тайны – расплачивались за это напастями над всем живым. Те, другие, нашли себе покровителя в глубине холодного озера Жаман-куль, тайно отдавали ему, Хамбале – стражнику Тамыка, молодую кровь пастухов и охотников, живших рядом.

Но в отличие от Хамбалы, Тамык не просил жертвенной человеческой крови. Путь к его тайной силе был усеян костями многих поколений жалмауз. Теми, кто не сумел сложить заклинания остались во мгле, и теми, кто пройдя испытания, расплатились за знания частью своей жизни. Непокойна была природа от таких путешествий колдунов в подземный мир, – долгая пыльная буря пробушевала на земле, едва не погубив жизнь.

На великом совете самые мудрые старцы со всех концов света постановили: изгнать творения Тамыка из мест обитания людей. За долгие века отшельничества в холодной ледяной пустыне, где все, что окружает – отчаяние, “пери”, мак они сами себя называли, многому научились в колдовстве, но не достигли своей высшей цели – Вечной Молодости, в обмен на которую Тамык должен был забрать все живое на земле.

С рождения седеющие, словно застывшие в дыбе волосы, узкие с огненно-красными зрачками веющие ужасающей дрожью глаза и серая могильная бледность резко выделяли их среди обычных людей, как рысь среди тигров, как волка среди собак. Не согласный с богом Тенгри, Тамык создал, как он сам считал, совершенных по красоте существ, но рожденные во зло живому чародеи не знали многих чувств знакомых человеку: доброты, сочувствия, восхищения. Черные сердцем, с холодной кровью, пери были созданы для черных мыслей против природы и человечества.

Самыми искусными колдунами были женщины-пери. Они умели складывать чарующие заклинания, ритмы слов которых уводили путников в сторону от караванных путей, – участь таких несчастных была страшна.

Когда-то перианский царь Зар, опасаясь что его племя найдя заветные слова в Бессмертие, перестанет считаться с царской властью, собрал на сход всех тех, кто знал путь из слов в Тамык, холодную страну мертвых, и, записав в шести книгах секреты слов самых великих жалмауз-кемпир, умертвил их, присвоив право на особые, записанные знания за избранными. Из-за этого среди ваятелей словес разразилась большая война, но Зар, обладая знаниями из книг, изгнал несогласных за море, на далекие острова. Знания, запертые в книгах, стали называть “царской магией”, они помогали держать в повиновении тех, кто искал Бессмертия в холодных пропастях их бога – Тамыка.

Изгнанные когда-то тысячи лет назад из мест обитания людей пери уже сотню лет небольшими царствами возвращались к центру земли, к соседству с людьми, в Великую степь, особой, отдельной ветвью жизни.

Жестырнаки, к которым попала Умай, очень торопились уйти из мест, где полно пери, к безопасным горам Кичитау, туда, где в скальных пещерах и норах жили соплеменники. Здесь же, во владениях чародеев, когтистым существам меньше всего хотелось встречи с коварными, жестокими врагами, и, передавая друг другу хрупкую ношу, завернутую в одеяло, они бежали без остановок, стараясь быть незамеченными.

“Человеческая девушка” – как ее называли когтистые существа – была необычна, и это сразу отметили равнодушные к человеческой красоте жестырнаки. “Отдадим ее Туяку в знак примирения, пусть съест ее один, а нам за это будет от него благосклонность”, – решили они.

Но жестырнаки, осторожные охотники, не знали, что пути их пересекутся с дозорным отрядом пери. Людоеды успели лишь бросить поклажу, потянуться к колчанам, как были перебиты острыми стрелами с отравленными наконечниками, раненые добиты копьями.

Джанга, один из молодых пери, заметил завернутую в одеяло ношу, разрезал веревки, и перед отрядом дозорных колдунов предстала, сверкая вплетенным в косы солнечным лучом, растерянная Умай. Каждому из дозорных захотелось забрать себе золотоволосую девушку, и между ними разгорелся спор.

– Я нашел ее и разрезал веревки. Она моя! – горячился Джанга.

– Ну и что! Я сразил двоих жестырнаков. Я тоже имею на нее право.

– И я имею право! – кричали другие. – Давайте кинем жребий.

Барен, старшина дозорных, был опытным воеводой, он знал, чем кончаются споры, когда в жестоких руках острое оружие.

– Послушайте! – крикнул он. – Мы, кто находится здесь, сыновья пяти славных перианских родов, если перессоримся здесь, сейчас из-за этой барыни, недоверие и вражда опять поселятся между нами... Поедем к озеру Бурабай, и там, в присутствии царствующего Ульбе, вы решите свой спор в состязании!

Тамуз проснулся от крика выпы и поднялся на ноги. Солнце уже давно золотило рассвет на зеленых копиях молодого камыша, серебро озерной глади манило освобождением от остатков усталости и сна. Скинув одежду, войдя в воду, Тамуз погрузился с головой, преодолевая обжигающую холодность зеленоватой толщи, а когда вынырнул, увидел на берегу девушку-жестырнак. Она сидела рядом с его одеждой и грустно улыбалась.

– Кто ты? – спросил Тамуз.

– Ты идешь за мной от самой реки, – ответила та низким грудным голосом. – С первого взгляда я узнала тебя, а полюбила еще раньше... Ты снился мне. И я знала, что мы встретимся...

Тамуз смутился, не зная, что ей ответить. Жестырнак тоже молчала, глядя на человека с грустью и отчаянием.

– Мои сородичи унесли твою девушку? – наконец-то произнесла она.

– Да! – выкрикнул опомнившийся Тамуз. – Где она?

– Сейчас нет смысла скрывать, – как будто самой себе проговорила сидевшая на берегу и прикрыла глаза, вытирая набежавшие слезы. Острые с медным отливом когти-ножи сверкнули и отразились бликами в воде. – Мои сородичи вчера перебиты стрелами ненавистных пери, а твоя невеста увезена ими, наверное, к Синим горам, к озеру Бурабай...

– Отвернись, – попросил человек. – Мне надо одеться...

Молодая жестырнак отвернулась, но продолжала говорить.

– Ты давно снишься мне, а я верила и ждала... Сейчас ты пойдешь на смерть, за той, другой, а я не знаю, как тебя удержать... Я буду идти за тобой, и ты не сможешь от меня избавиться. – Она заплакала, и ее человеческие рыдания перешли в унылый вой дикой кошки. – Останься со мной, ведь я люблю тебя...

Последние слова остро напомнили Тамузу Умай, как радостно забилося его сердце от ее признания, как осветилась она рассветным лучом солнца... Но сейчас, кроме жалости и растерянности к этой плачущей девушке-жестырнак, он ничего не испытывал.

– Как зовут тебя? – спросил Тамуз.

– Марис...

– Не ищи меня, Марис, – попросил юноша. – Прощай!

Марис повернулась к человеку, а он зашагал прочь, не оглядываясь на нее.

– Я все равно пойду за тобой, – крикнула жестырнак вслед Тамузу и вдруг, вспомнив, побежала за ним. – Твоя лошадь в той лощине... Прости, это я увела ее. Хотела тебя удержать...

Жельяк в лощине!

– Спасибо тебе, Марис! Не ищи меня.

Тамуз побежал за лошадей и услышал вслед:

– Как зовут тебя?

– Тамуз... – донеслось до меднокогтистой девушки разносимое над озерной гладью эхом имя.

Каждому племени нужен

Хотя бы один

Ушибленный звездой.

Заводите таких...

Ворон Каратай из последних сил взбирался на холм, низко опустив голову, прижав клюв к груди. “Еще немного – и вершина, потом вниз, а это всегда быстрее и легче”, – утешала себя усталая птица.

Это был тот самый ворон, который двадцать пять лет в холоде и голоде просидел у горы Тенгри, возле входа в пещеру, притворяясь другом старца-шамана. Услышав о том, что родилась девочка, предсказанная в древности, та, что сможет перевернуть весь испорченный злобный мир жестырнаков, пери, албасты, диу, всех, с кем легко жилось ворону, полетел предупредить царя чародеев об опасности. И если бы не беркут, оторвавший крыло, все могло бы быть по другому. Все это было, и прошло уже шестнадцать однокрылых лет...

Когда Каратай был еще вороненком, ему хотелось быть впереди крылатого мира. Превратившись в молодого ворона, сбив в стаю таких же молодых самцов, Каратай провозгласил себя императором. Это было смутное время. Вороны разделились на две огромные стаи, споря, кружили над Мугоджарскими горами. В полдень пятого дня прилетели сороки – посланцы царствующего Ульбе – и, развернув грубый пергамент, нараспев в два голоса прочитали: “За помощь, оказанную нам, мы, вороны огромных степных просторов, клянемся служить царю пери Ульбе до скончания века”.

Опять заспорили вороны: “Кто такой царь Ульбе? За что клялись служить?” Кое-кто посчитал – до скончания века осталось сорок лет. “Сорок лет – это немного”, – подумали некоторые и улетели из стаи Каратая, другие, испугавшись, не захотели ссориться с колдунами. Третьи, увидев, как пустеет стан нового императора, тоже поспешили переметнуться.

К вечеру Каратай остался один. На совете знатнейших его осудили к изгнанию из Великой степи, все отвернулись от него, словно не было еще вчера споров до хрипоты, высоко поднятых клювов. Каратай с тоской готовился к отлету, когда примчались гонцы-пери с наказом: “Царь Ульбе приглашает посетить его перед дальней дорогой”.

Рассекая воздух сильными дерзкими крыльями, в последний раз пролетел над родными солнечными Мугоджарами ворон, роняя частые чистые слезы. К вечеру следующего дня Каратай опустился перед станом царя Ульбе и, не опуская черных глаз, приветствовал его.

– Хочешь быть императором птиц? – спросил колдун, огненными зрачками проникая в мысли, замораживая сердце страхом.

– Да! – гордо ответил ворон. – Моему народу нужен вождь!

Прищурился Ульбе, охладившая взглядом ворона, закачавшись, оцепеневший Каратай упал и потерял сознание.

... Ему снился сон: вокруг густой туман, очень холодно и страшно, но ворон летит к смутным очертаниям чего-то огромного. Голос, полный ласки и сочувствия, раздаётся в голове Каратая: “Не беспокойся ни о чем. Лети!” Но ворон боится удариться о невидимую преграду, ему все равно страшно в молочной зыбкости тумана. “Еще немного... Молодец!.. А теперь опускайся ниже...” Каратай подлетел и опустился на глыбу перед входом в черный провал пещеры. “Ты хочешь быть вождем и тебе нужна армия! – продолжал биться в голове сочувствующий, все понимающий голос. – Мы поможем тебе. Все колдовство, которым владеют пери, будет на твоей стороне. Мы поможем тебе накормить голодных и наказать обнаглевших! Мы поможем тебе покорить все пернатые народы и верим – ты станешь великим полководцем”.

Каратай, усталый после долгого и опасного пути, был переполнен благодарностью к хозяину голоса за обещания помощи.

– Что я могу сделать для тебя? – прокаркал ворон. Голос долго молчал и, наконец, изрек:

– Готов ли ты ждать годы? Готов ли пройти через голод и холод? Так ли сильно твое желание? Можешь ли ты поклясться в верности?

– Да! – ответил ворон Каратай, – я готов пройти через зимы и зной, одиночество и лишения, если ты поможешь мне встать во главе моего несчастного крылатого народа. Я клянусь тебе хранить наши тайны, исполнить все, что необходимо для свершения мечты! Клянусь!

– В цепи горных хребтов, у горы Тенгри, на границе вечных снегов живет отшельник. Узнай, какой завет оставили древние мудрецы? Почему станут сильны люди, от чего угаснут силы жестырнаков и албасты и что станет с народом пери? Когда настанет предсказанное в прошлом будущее?

– Я все узнаю и расскажу тебе. В холоде и голоде меня будет согревать надежда о славных походах и великих победах.

– Клянемся и мы помочь тебе стать вождем! Клянемся возвысить вороний народ над другими птичьими племенами!

Все вокруг задрожало, глыба под лапами Каратая стала рассыпаться на куски, и тогда, взмахнув крыльями, ворон полетел в туман.

... Была глубокая ночь, когда Каратай очнулся. Болела голова, каждое перышко ныло тяжелой усталостью, и не хотелось шевелиться. Но заколотилась, забила безжалостная мысль в висках: “Лети! Лети!” Ворон поднялся на лапы, чуть присел и, резко оттолкнувшись от земли, полетел на юго-восток...

... Вот так, в тысячный раз, вспоминая изломы своей судьбы, однокрылый Каратай достиг вершины холма и поднял черную голову.

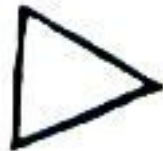
Перед ним лежала долина с торчащим, словно одинокий зуб, каменным изваянием, а дальше – будто древний воин лег спать, сложив оружие под головой – светлел в весенней дымке силуэт Синих гор.

Сердце забилося в груди у ворона: там, за хребтом, озеро Бурабай, там ставка Ульбе, и он, изгнанник Каратай, заслужил награду! Глаза налились кровью, клюв хищнически затрепетал, и, подняв единственное крыло, черная птица боевым вороньим криком известила долину о своем возвращении.

Отряд, ведомый Толеу – самым старшим братом Умай – преодолел пограничный Тургай и вошел в земли пери. Они обнаружили истерзанные тела жителей холодных лесов, а чуть дальше и мертвого жестырнака. Опытные следопыты нашли следы лошади, а рядом следы когтистых ног. После некоторых раздумий отряд отправился по следам лошади Тамуза, не заметив притаившуюся в листве серебристого тополя девушку-жестырнак. Марис спустилась с дерева, когда люди ушли, подошла к мертвому жестырнаку. Слезы покатались из ее глаз и, обхватив когтистыми руками свою косматую голову, она, раскачиваясь, завывала так, как выли, оплакивая отцов, дочери-жестырнаки.

Насыпав холм из речного песка над могилой, Марис долго сидела, печально вздыхая, но вдруг прислушалась к ветру, к далекой сорочьей трескотне, решительно встала и побежала на северо-восток, к прямому, как стрела, степному горизонту.

Горько, страшно и одиноко было на сердце Умай которую везли в открытой перианской шестиколеске со связанными руками как пленницу и военную добычу. Со всей округи стекались пери, чтобы посмотреть на рабыню, из-за которой вышел спор. А еще...

Состязание! Это слово расправило плечи.

Состязание! Воздух вокруг стал густым и игристым.

Состязание! Молодые колдуны стекались к каравану, пытаясь сквозь толпу разглядеть пленницу.

Джанга, недовольный слишком большим числом соперников, пытался спорить, но, почувствовав у горла десяток ножей, смирился и смотрел на вновь прибывающих исподлобья. А пери, забыв холодность и чопорность, спорили до хрипоты о цене девушки в далеких южных городах, о стоимости золотых волос, о правилах состязания.

Из-за шума никто не услышал, о чем кричал однокрылый ворон, почему так надрывал голос, пытаясь спуститься с высокого холма. Все дальше от черной птицы уходила толпа пери,

мимо каменного истукана к Синим горам. В вечернем закате блеснули последний раз золотом волосы Умай, на долину упали сумерки, и наступила тишина.

К величавой горе Тенгри путь труден, и если не готов сердцем к долгой дороге, лучше не пытаться идти туда. Но с глубоко забытых времен шли люди к божественной красоте вечной вершины и встречали там старцев, тех, кто жил в этих суровых скалах. Имя у такого отшельника могло быть только одно: Просветленный. Из созревшего колоса проса выпадет зернышко, чтобы прорасти – учитель отдаст знания ученику, чтобы продолжить себя в нем, так и отшельник знал: не все боги-помощники были верны своему творцу – Тенгри, и один из них был низвергнут под землю. Там, в глуби земли, он – Тамык, создал особых своих помощников – противников человечеству, придумал для них загадку из магических слов, пообещав в награду за борьбу против рода людского, против всякой жизни, власть над миром, сумел выпустить их на поверхность земли вместе с сорока тремя другими видами демонов и злых духов.

Но старый мудрец так же знал: когда черные сердцем и мыслями пери будут готовы сложить ритмы словес ведущих в Тамык, и пройти путь к вечной молодости безумной дорогой, девушка, избранная Солнцем, окрепнет для трудного, ответного пути.

И теперь, после увиденного на рассвете долгожданного знамения в облаках предсказанного учителями из древности, Просветленный каждый день шел по широкому ходу пещеры к краю пропасти, к Зеркалу Мира.

Задержав дыхание, прислушиваясь к тишине, он осветил глубоко на дне гладь озера: как в огромном зеркале, в свете лучины появилась Умай.

...Ей холодно и страшно под огненными взглядами пери, она поднимает глаза к небу, словно ищет защиты...

Старец перевел дыхание, и вода в озере слегка зарябила. Но вскоре на установившейся глади появился Тамуз...

...На его сухих губах отчаяние и надежда. Лошадь понимает хозяина и тоже торопится, оставляя за собой клочья белой пены.

Отшельник опять перевел дыхание, и на успокоившейся водной чистоте появилась девушка-жестырнак Марис.

...Она идет по степи, и ее печальные глаза смотрят вдаль...

Огарок сорвался и упал в озеро, вскипятив поверхность. Старик, тот чьи годы в стремлении к знаниям пролетели как куст адыраспана в ветренный день, тяжело вздыхая, побрел обратной дорогой наверх.

Запирайте двери!
Окна заволочь!
Занавесьте солнце!
Объявляю Ночь.

Старики рассказывали: в глубокой древности суслики жили совсем по-другому. Под огромным плато располагалась столица, где жил их владыка. Более богатого существа не было в те времена: золото, драгоценные камни, найденные по всей земле, передавались в главный город. Для этих сокровищ они рыли огромные хранилища с длинными широкими коридорами. Все больше требовалось им спальных нор и широких залов для развлечений, все больше грунта выносилось из-под земли. Так насыпались крутые холмы на окраине того плато.

Но однажды пошел долгий, нескончаемый, будто из верблюжьей сабы, дождь. Вспоенная без меры земля не выдержала пустот под собой и обвалилась. Погиб город сусликов, их царь, все золото. Те немногие, что смогли выжить и выползти на поверхность, увидели глубокие провалы над их столицей и, боясь новых обвалов, разбежались кто куда. С тех пор суслики живут в тесных норах, роют их подальше друг от друга. Их поколения в поколение передается им страх перед водой.

А на месте, где когда-то был город степных крыс, потрудился ветер, реки пробивали себе путь и засыхали опять. Те, кто знал правду о сотворении Чарынских каньонов, искали сокровища погибшей столицы, но не нашли. До сих пор спрятаны они в стенах каньона.

Не такими уж простаками были древние суслики.

Туяк, предводитель жестырнаков, целый день, притаившись, ждал в засаде у водопоя. Он знал, что еще немного – и семья дикого кабана попадет под его длинные когти-ножи.

Вдруг вдали послышался торопливо-истощенный писк суслика, и даже деревья перестали шелестеть листьями, удивляясь новости. Туяк дослушал грызуна, но не все понял. А суслик, обрадованный вниманием пойменного леса, расшвырялся так, что прятаться и ждать в засаде не было смысла.

Жестырнак поднялся из укрытия и пошел к степной крысе. Подойдя к норе, он опустился на колени и спросил:

– Так какая, ты говоришь, красавица?

И суслик рассказал обо всем, что знал. Туяк чуть не искромсал болтуна, когда тот говорил о Марис. Ему не было дела до человеческой девушки, но Марис – его невеста... он хотел

жениться на ней осенью. Злоба душила его, и всю ночь вздрагивали в степи сайгаки от стонов жестокого жестырнака.

На рассвете Туяк пробежался по норам, собирая своих дружков, и к вечеру самые отчаянные кровопийцы решили: Человека убить. Марис поймать и вернуть в логовище.

Пять ярлык убийц, прислушиваясь к пересвистам степных крыс, отправились к далеким Синим горам.

У царя Ульбе жена была одной из самых коварных ведьм. Высокая, статная Ален еще хранила былую красоту, но уже начинала увядать. Зная о возможности вернуть себе молодость, стала собирать вокруг себя самых старых жалмауз-кемпир, вслушивалась в их речи, искала нить, ведущую к тайне словес. Перечитывала заклинания из книг “царской магии”, но никак не могла испытать озарения: боясь ошибиться в сложении слов, все же готовилась к обряду. “Надо бы навестить Сакар”, – подумала Ален, и ей вспомнилась угрюмая, со следами пребывания Тамыка на лице, самая старая жалмауз-кемпир. Ничего не рассказывала та о себе, лишь рьяно пыталась учить когда-то, еще юную Ален скучным, как тогда казалось, словесам заклинаний. В те годы изнеженной принцессе Ален совсем не хотелось бесконечных, монотонных песнопений, повторений непонятных словосочетаний, ей казалось, что свежесть юности будет всегда. Она постоянно убегала от недовольной старухи, вскоре совсем переставшей обращать внимание на Ален. Но сейчас дочь Ульбе и Ален, молодая принцесса Майзу, вместе с Сакар у горы Керегетас, и похоже они ладят между собой.

Ален посмотрела на Ульба: тот притворился спящим: но вот послышался приближающийся топот копыт лошади, и Ульбе открыл глаза. Вскоре в шатер вошел старший отряда дозорных Барен и, покорно склонив голову, сказал:

– Наши воины отбили у жестырнаков человеческую девушку необыкновенного вида и решили разыграть ее в состязании. Вот только по пути к нам примкнуло много народа, и все хотят бороться за приз, – дозорный еще раз поклонился Ульбе и Ален, – рассудите, кто имеет право на нее, а кто нет. Молодые пери волнуются и ждут вашего решения у горы Окжетпес.

Ульбе уже слышал о том, как необычна человеческая девушка, и ему хотелось посмотреть на золотые косы, а может быть и оставить себе. Но Ален так пронзительно смотрит на него, ждет его решения, будто догадывается, о чем он думает, Царствующий знал характер царицы – если он хоть как-то вмешается в спор за рабыню из людей, то старухи-пери, жалмауз-кемпир, вскоре будут использовать его берцовые кости для своих колдовских нужд.

– Пусть состязаются все, кто захочет, – старался говорить равнодушно-спокойным голосом царь Ульбе, но прижимистость, жадность и какой-то дальний расчет дали о себе знать, и он добавил, – те, кто захочет внести в казну золота весом в асык.

Дозорный Барен поклонился и вышел.

– Ты поступил мудро! – сказала царица, поэтому втайне решила: “Слишком много суеты вокруг этой барыни, и ей не место среди пери”.

Ален склонила голову и снова принялась за проворное веретено.

А в это время раб-жестырнак, держа в зубах золотую пластину, цепляясь за трещины и выступы, словно ящерица, вскарабкался на вершину огромной глыбы. Как только цель была установлена – первый слиток упал в кожаный мешок. Но стрела, не долетев до вершины, ударив скалу, переломилась и упала вниз вместе с отбитым щебнем.

Умай, привязанная к столбу на всеобщий обзор, целый день была вынуждена слушать пение летящих стрел, их удары по камню, лишь поздно вечером ее развязали и, отведя к телеге, позволили спать. Девушка сразу крепко уснула, и ей приснилось: телега к которой она спит в ночном тумане, никого рядом не видно, не слышно. Бежать! Но Умай не может пошевелиться, не может себя заставить проснуться. Но вот в черном, будто дымном небе появляются летящие по воздуху, одетые в красные одежды, призрачные жалмауз-кемпир – старухи-пери. Они легко берут на руки Умай и, поднимаясь над ночным туманом, устремляются к сверкающему под лунной озеру. Дунул свежий ветерок, и от головы спящей девушки оторвался и полетел к берегу волосок цвета созревшего проса. А колдуньи поднимались все выше и выше. Над серединой водного простора пери хором пропели: “Буруны озерной воды, станьте подобно камню тверды”, – бросили свою ношу вниз, а сами, безмолвные, устремились обратно к берегу.

Но волны озера не стали тверды как камень, девушка не разбилась и не ушла на дно: холодная апрельская вода, в которую провалилась Умай, разбудила ее от тяжелого сна. Вынырнув на поверхность, она огляделась: на востоке озаренная пламенем костров, израненная скала Окжетпес все еще обстреливалась – состязание продолжалось. Выросшая среди озер разливи-стого Иргиза, Умай уверенно поплыла к темневшему густым лесом противоположному берегу.

А в это время, не замеченный дремавшей стражей однокрылай ворон вошел в шатер спящего Ульбе. Вдали пели стрелы, дробя шапку скалы, переминаясь с лапы на лапу, ночной гость захопал крылом, но царь не просыпался.

– Я принес долгожданные вести, – прокаркал Каратай и услышал, как шелком зашуршали в глубине шатра: в свете раздутого огня ворон поклонился сонным Ульбе и Ален. – Помнишь ли ты меня, царь Ульбе? Сорок лет назад послал ты меня к подножью Тенгри и я вернулся, исполнив порученное. – Ворон склонил голову, касаясь клювом ковра.

Ульбе вспомнил дерзкого ворона, возомнившего о себе слишком много и отправленного изгнанником в неизвестность. Царствующий считал сказками стариков рассказы о заклинии древних оракулов и их предсказания.

– Мы помним тебя, ворон Каратай, и слушаем, – пришла на помощь мужу Ален.

Ворон, переминаясь, поднял клюв:

– Девушка-солнце, появление которой предрекали древние люди, рядом с тобой – это та, из-за которой сейчас идет состязание. Плени ее немедленно. Убей ее, и тогда пери станут первыми и главными существами на земле.

...Как только царь колдунов узнал правду о пророчестве и как с этим связана пленница, он выбежал из шатра и взобрался на коня.

– Я выполнил порученное тобой, исполни и ты свои обещания, – прокаркал ворон.

– Дождись моего возвращения, – ответил Ульбе и погнал коня к побитой стрелами скале.

– Не торопись, повелитель птиц, – сказала Ален, – выпей молока, наберись сил. У тебя теперь будет много забот.

...А Умай, укрываясь в тенистых лапах высоких сосен, все дальше уходила от берега. Мокрая одежда быстро высохла, девушка вздохнула и улыбнулась восходящему рассвету. “Свободна!” – радостно запела душа. “Где-же Тамуз? Ищет ли меня?!” – заныло сердце. “Нужно спрятаться или бежать быстрее”, – шептал разум. Полная раздумий, тревог и торопливости, поднималась Умай на западный хребет Синегорья, не зная, что Тамуз поднялся на холм и, разглядывая силуэт темных предрассветных гор, подгоняя Жельаяка, начал спускаться в долину к каменному истукану, словно одинокий зуб торчащему из земли. И когда Тамуз поравнялся с истуканом, вздрогнула земля, каменный рот заговорил:

– Воин! Ты рвешься в бой, хотя совсем один. Я давно жду сильного духом человека, чтобы передать ему наследие. Спускайся вниз и ты найдешь то, что нужно для битвы.

Перед камнем треснула земля, и показался ход, уходивший вглубь.

– Кто ты? – спросил Тамуз.

– Когда-то я тоже был человеком, – ответил истукан.

Юноша, чуть поколебавшись, направил коня в подземелье. Когда над головой юноши земля сошлась, в темноте опять прозвучал голос:

– Когда-то я тоже был человеком...

Молодой пастух Берке нашел в степи звездочной прилетевшее железо. Он нес его в аул, и уже было близко до юрт, но из кустов вылетела к сердцу пастуха стрела коварного зложелателя, и юноша, пораженный, со стоном упал на сухую от зноя землю, не выпустив из рук тяжелую находку. Собаки, потревоженные криком, запоздало бросились на помощь и громким лаем отогнали недруга прочь. Горько зарыдала мать над сыном, а отец, подняв кусок звездного железа, пошел в кузню и стал ковать меч. Долгие дни и ночи ковал поседевший от горя отец, вкладывая в удары боль утраты, а когда принес тяжелое оружие к юрте, положил его перед своей женой, матерью Берке. Заплакала женщина, моля небо о мщении, горькие слезы скатывались с ее щек и падали на металл, оплавляя его, полируя, делая острее лезвие.

В то время зложелатели, пользуясь слабостью и разобщенностью людей, часто нападали на них. Отец Берке приходил к вдовам, матерям, сестрам и дочерям, и горькие слезы потерь падали на меч, призывая к мщению духов предков, мольбы безутешных женщин достигали неба, и меч стали называть – Алдаспан.

Среди людей вырос могучий батыр, успешно оборонял он Великую Степь, изгоняя пери, уничтожая жестырнаков. Обозленные пери, разбудили одноглазых циклопов-диу, и те пошли по аулам, громя их. Слишком поздно узнал батыр о нападении зложелателей. Когда его дружина примчалась в родные края, все было уничтожено. Пери добивали убежавших в степи, диу поедали попавшихся, делясь страшной едой с жестырнаками. Тогда батыр поднял лук, и стрелы одна за другой скрывались в глазных яблоках диу, те, падая, сотрясали степь. Когда унялась дрожь земли, батыр повел своих воинов на зложелателей, впервые подняв над головой меч Алдаспан, переданный ему накануне умирающим стариком. Ни один враг не ушел от возмездия... Но обезлюдели от тех набегов аулы. Последние мастеровые из племени истребленного, исчезнувшего по вине зложелателей, вырезали из груди поверженного диу кусок кожи, натянули на ветвь тысячелетнего дерева-туранг и спели печальный гимн старческими, высокими голосами. Заветный напев, отражаясь от щита, уносился эхом в степь и возвращался обратно. Звуки прощальной песни, становясь все выше, достигли предела и вместе с апрельским солнцем вытянули грубую кожу. Ветвь туранга отчаянно выгнулась, придавая щиту упругость, а еще какую-то тайну впитало оборонительное оружие: при взгляде на него пери всегда чувствовали угрозу, и не получалось у них колдовство. Но время неудержимо накатывало волны на ковыльные просторы, складывая из них годы, склоняя тяжелеющие плечи батыра к земле. Стареющий, он не всегда теперь успевал на помощь: вглядывался в молодую поросль, искал достойного наследника оружию.

Однажды батыр поднимался на холм у Синегорья, не зная, что с другой стороны холма шел колдун-воин. Пери первым заметил человека, и его стрела, пропев короткую песнь, попал в плечо, застряла. Батыр вырвал из себя стрелу зложелателя, выпустил одну за другой три своих.

Все стрелы попали в цель, а батыр, убедившись, что врагов больше нет, тронул коня в путь. Спустившись с холма, он вдруг почувствовал слабость, все стало кружиться перед глазами, и тогда сойдя с коня, богатырь пошел по густой траве. “Стрела отравлена”, – догадался человек, и силуэт Синих гор завертелся еще быстрее. Упав на грудь, теряя силы, батыр шептал сухими губами в землю:

– Я не молю тебя, мать-земля, чтобы ты укрыла меня в своем чреве. Не прошу славы посмертно вечной. Лишь об одном прошу, степь родная, укрой оружие: меч, отточенный слезами матерей, и щит, как память о великих утратах и победах.

Батыр застыл, а Время превратило его в камень. Через много лет пришедшие в эти земли люди подняли каменного батыра и вкопали в землю. Мороз и жара, ветер и дождь находили приют на безмолвном камне, стирая черты лица богатыря, его кольчугу и шлем: за давностью зим Время стерло его имя из памяти. Но оружия никто не находил...

...– Но я сохранил и тот меч, отточенный слезами матерей, и щит, добытый утратами, возьми их, они перед тобой! Я стал частью этой земли и знаю: ты не уронишь мой дар перед врагом, – сказал дух древнего воина.

Тамуз поднял мерцавший в темноте меч Алдаспан с двойной рукоятью и щит из толстой кожи, усиленный бронзовыми шипами.

– Теперь ты можешь продолжить свой путь, – снова раздался голос – Там, наверху, идет сеча – люди и пери схватились перед моим слепым взором. Испытай мой дар! Порадуй мое каменное сердце!..

Земля разошлась, и Жельаяк вынес всадника в долину. Прямо перед Тамузом воины Толеу под белым стягом с расшитым золотом знаком солнца рубились с конниками пери. Тамуз поднял меч Алдаспан, и лошадь, не дожидаясь тычков, вся в нетерпении предстоящего боя рванула в самую гущу пери.

Быстрой была победа людей над дозорным отрядом колдунов. Необыкновенно показал себя меч в руках Тамуза – при взмахе сталь вытягивалась, рубя сразу нескольких врагов и снова обретая обычную длину в завершении удара. Подставленный под мечи колдунов щит не имел даже царапины. Покончив с пери, воины Толеу съехались у камня и радовались встрече с Тамузом, но вспомнив, что Умай в беде, дружина, отправив раненых за Тургай, торопясь, направила коней к очень близким Синим горам. Тамуз сошел с коня и низко поклонился холодному, обдуваемому ветром затихшего боя каменному исполину.

3

В то время, как Ульбе слушал ворона, исчезновение Умай обнаружили в лагере состязавшихся. Поднялся переполох, возникли споры, на поиски следов беглянки отправились все лучники, по побережью, у скалы Окжетпес, они обшаривали кусты и деревья, заглядывали за каждый валун. На одной из берез, растущих у самого берега, чародеи радостно зашумели: найден золотом сверкающий волосок беглянки. Но больше следов не было, хотя лучники обыскали все восточное побережье и хребет. Зеркало озера, освещенное рассветным солнцем, было чистым и спокойным. Нигде не блеснула золотая коса, и пери угрюмо перешептывались: не обошлось без высшей “царской магии”.

Ульбе не поверил встреченному в пути гонцу, доложившему о том, что пленница исчезла, но все же быстрее погнал коня.

“Случилось небывалое: впервые со времен своего появления пери признали красоту человеческой девушки, впервые ссорились за нее, даже золота не пожалели жадные колдуны, а она исчезла у них, глупых, из-под носа, – так думал все более раздражавшийся Ульбе. – Неужели и вправду сгинет род пери, и память о нас увянет, как трава в зной?”

У подножья Окжетпес, словно огромный стог сена, лежали переломленные стрелы, скала, еще вчера ничем не выделявшаяся среди других, кроме как величиной, сейчас была похожа на гигантский гриб с выщербленными стрелами ямками под шляпкой.

Примчался гонец: у берега, на одной из берез, найден первый след – золотой волос беглянки.

– Оцепите хребты с внутренней стороны, не дайте ей вырваться в степь, – приказал царствующий, и отряды дозорных вместе с Бареном умчались выполнять приказ.

На вершине что-то блеснуло, и Ульбе поднял голову – золото пластины сверкало, отражая солнце. Развернув коня, играя желваками скул, царь направился за гонцом. Примчавшись к березовой роще, Ульбе встретил отряды лучников возвращавшихся с южного берега озера, не обнаруживших больше никаких следов.

Царь был взбешен: тут явно было замешано колдовство “царской магии”, вот и лучники угрюмо смотрят на него, подозревая в том же его, Ульбе. Царь вдруг испугался: его стража ловит беглянку, а он один среди мрачных лучников. А рядом с ним, словно не замечая его злобы, стройные молоденькие березки свежей, зеленой листвой прикрывали белоснежные колени, смеялись о чем-то своем. Вытащив из-за голенища ичигов камчу, царь бросил ее в березы: “Бей их, пока не скажут, куда ушла Дева! Бей их все! Изломай”.

Камча полетела по рощице, щелкая направо и налево, вперед и назад. Стон поднялся над деревьями, подрубленные ветви и листья устлали пробужденную весной землю, а плеть продолжала свою работу...

– Мы спали всю ночь! – вопили березы.

– Не верю! – заглядывал в остатки кроны Ульбе. – Куда она убежала? Скажите, и я остановлю плеть.

– Мы ничего не видели! – плакали истерзанные, истекающие соком деревья, и лишь когда стоны иссякли, царственный спрятал камчу.

Через искалеченную рощу, слыша едва сдерживаемые стоны и проклятия берез, к Ульбе шел Джанга.

– Все, кто участвовал в состязании, считают себя обманутыми. Многие отдали последнее золото... Лишь ты, наполнив казну, похитив наш приз “царской магией”, оказался в выигрыше. Поэтому мы хотим, чтобы ты отдал нам золотокосую девушку, а мы доведем наш спор до конца.

Лечники придвинулись ближе.

– Но у меня нет вашей пленницы – ответил царь.

– Не верим! – зашумели все вокруг.

– Вы все поглупели от жадности, спутали золото с солнцем – сказал царствующий и расмеялся, но, заметив, как еще ближе, угрожающе придвинулись хмурые лучники, возмутился неожиданным бунтом, ударил камчой Джангу, превращая его в камень. Но в ответ десяток вскипевших канжаров взметнулись к телу Ульбе и отхлынули. В огненных зрачках растерянных колдунов, убивших своего повелителя, отразились синее апрельское небо и пылающий жаром желтый диск солнца, поднимающийся вместе с новым днем.

...А березы так и останутся изломанными калеками, волнами Времени проплывут годы и сложатся в тысячелетия. Люди назовут ту рощу “карликовой, танцующей”.

Нет... Боль может быть очень долгой. Такой же, как путь до звезд. И камень-Джанга, трудно его не заметить среди берез, до сих пор лежит там, отполированный Временем.

Ворон с наслаждением пил, задирая клюв кверху, чувствуя, как струится по горлу незнакомый терпкий вкус молока.

– А зачем тебе быть императором? Зачем тебе это нужно? – спросила Ален.

Когда ворон увидел глаза колдуньи – будто холодом повеяло из заледенелых ущелий, но он ответил:

– Нас много, воронов, но мы не стали народом, потому что не было у нас вождя, объединявшего всех для славы и смысла.

Царица Ален засмеялась:

– Прошло уже сорок лет, Каратай! От огромных стай воронов остались жалкие поселения воронья. Теперь сороки принимают парады на деревьях вдоль рек и озер, а тебе уже никогда не собрать армию, – Ален засмеялась. – Может быть, ты выбрал не того лучника, или сам оказался стрелой с тупым наконечником, уже не имеет значения.

Заливаемый светом холодно-огненных глаз, Каратай зашатался: растрепанная, некрасивая в этот утренний час царица Ален завертелась перед глазами ворона, и, жалобно захрипев, он завалился на бок. Колдунья подняла перед собой руки – тело Каратая поднялось к рукам пери, она вышла из шатра, выводя перед собой плывущего по воздуху недвижимого ворона, и направилась к обрыву. Впереди сверкало озеро, а за ним темнел лес. Размахнувшись пустой рукой, Ален будто бросила камень вдаль. Но вместо невидимого камня тушка несбывшегося императора, набирая высоту, перелетела через озеро, Бурабай и упала на другом берегу. Наивно самоуверенно полагая, что ворон разбился, царица пери ушла за полог шатра. Рядом, совсем рядом с тем местом, где упал ворон Каратай, вспыхнул на солнце золотой свет и погас, укрывшись за лохматыми соснами.

Если бы ворон ударился о землю, то он бы испустил дух, даже не почувствовав боли, но он упал на верхушку сосны и, выгнувшись дугой, дерево отправило его в соседнюю сосну. А потом с ветки на ветку беспомощным турсуком Каратай упал на ковер сухих иголок. “Жив”, – подумал о себе ворон и подняв голову – сторонясь солнечных, открытых мест, прижимаясь к теням сосен, та, которую он знал как “девушка-Солнце”, прошла мимо Каратая. “Она тоже жива!” – мелькнула удивленная мысль, и черная птица уронила голову, впадая в думы об извилистости житейских дорог.

А Умай даже не заметила ворона, зато вскоре услышала дробь копыт по камням и притаилась за валуном, догадавшись, что выше по горам пери замыкали выходы за хребет Синих гор.

“Когда колдуны пойдут рядами вниз, к озеру, обшаривая каждый куст и камень, меня поймают”, – отчаивалась девушка, не замечая, как из-под валуна выползла змея. Умай следила за мелькавшими выше, среди редящих сосен, всадниками, а змея, раскачиваясь, наблюдала за испуганной беглянкой.

– Ш-ш-ш... Не бойся меня, – прошептала змея. – Тебе нужно укрыться. Ш-ш... Ползи за мной... .

И змея стала заползать в траву, под валун, Умай раздвинула заросли мелкого кустарника: между землей и камнем была узкая щель, в которую можно было пролезть.

Сверху слышались команды и неторопливый перестук копыт. “Пери начинают облаву, – затрепетало сердце, – но лучше смерть от змеи, чем новый плен у пери!” – решила девушка, пролезла в узкую щель, расправляя за собой примятые кусты, и огляделась. Здесь, за узким входом, было не тесно, пещера, не кончаясь, уходила в темноту. Все ближе топот копыт, уже слышны голоса, дыхание и храп лошадей. Но ловцы прошли дальше, звуки, рожденные ими, замерли, и теперь в тишине, Умай услышала стук своего сердца.

– Ш-ш-ш... Не бойся меня, – змея лежала, свернув длинное тело в кольца, возвышающаяся над ними голова нацелилась немигающим взглядом на девушку. – Природа говорит лучше всяких слухов, ведь я видела знамение... Ты та, что пришла в этот мир для свершения чуда...

– О чем ты говоришь? – удивилась Умай, – какие слухи дошли до тебя? Я не понимаю, о каком знамени ты говоришь. Я избежала плена, вот это – чудо...

– Так ты ничего не знаешь? – змея задумалась – я знаю лишь часть предсказаний древних мудрецов... Ш...ш... не торопись! Твои враги рядом и я слышу их...

– Я так напугана жестырнаками, пери... – тихо заплакала Умай. – Я не хочу никаких предсказаний и приключений. Я хочу чтобы рядом был Тамуз.

...А Тамуз в это время вместе с дружиной спускались, готовые к бою, по южному склону, торопя коней, не встречая почему-то пери на своем пути. Внизу, засверкало серебром озеро, по его побережью дымились костры стана колдунов. Люди решили атаковать внезапно, пробиваясь через лагерь пери, разыскать Умай и, отбившись, увезти ее домой. Они ворвались на побережье в тот момент когда колдуны, ошеломленные гибелью Ульбе, собрались у искалеченной березовой рощи, загнав большую толпу в озеро, опрокидывая телеги и шатры, допрашивая попавшихся. Впереди всех на гнедом жеребце Тамуз со сверкающим на солнце мечом разил всех, кто пытался сопротивляться, теснил чародеев к озеру.

Ален сразу услышала звуки нападения, выскочила из шатра, и с высоты холма, под обрывом увидела, как растекаются по ее лагерю люди, сея панику, а всадник со сверкающим мечом крушит любую защиту, нагоняя ужас на лучников. Стрелы отлетали от его трехглавого щита, как простые ветки и царице сразу вспомнились сказки старухи Сакар о необычном щите, от которого веет страхом, об ослепительном мече, утерянном людьми. Какой у него блеск, больно глазам!

Вбегая в шатер, Ален уже знала, что нужно делать. Спасением было призвать диу. Она бросилась к сундуку, покопавшись, достала серебряное зеркало и, выбежав за полы шатра, направила пойманный луч на близкий холм.

– Проснись, диу, – закричала пери – Пришел твой лютый враг забрать твой глаз. Проснись же скорее, диу!

Зеркало стало горячим, солнечный зайчик от него раскалил камни на ближайшем холме так, что те стали крошиться, загорелась дымно зеленая трава. Страхивая с себя груды земли и молодые сосны, начал подниматься огромный диу-циклоп. Ален бросила начавшее плавиться серебро и еще громче завопила:

– Иди, диу! Защити своих создателей. Не дай в обиду любящих тебя пери. Иди и сражайся!

Диу, разбуженный обжигающим лучом, разъяренный болью услышал голос пери. Он поднялся во весь рост, оглядываясь единственным выпученным глазом, прислушиваясь огромными, как телеги, ушами к звукам боя, и стал спускаться к озеру, к блистающему солнечными бликами мечу.

Диу шел к побережью, шагами сотрясая озеро, все больше горячился и громко ревел, а царица Ален, как завороченная, смотрела на меч в руках всадника на гнедом коне: она узнала его. О нем рассказывала ей старая ведьма, жалмауз-кемпир Сакар в детские годы, им всегда грозились за непослушание – Алдаспан. Меч возмездия за пролитые слезы и кровь – он опять появился у людей, а поэтому, она это чувствовала сердцем, бесполезно всякое чародейство.

Диу шел, не выбирая дороги, прямо к всаднику, разящему колдунов, на блеск Алдаспана, ломая деревья на своем пути. Всадник тоже увидел зложелателя и разворачивал к нему коня. Когда диу ступил ногой на лежащую кучу переломленных стрел под скалой Окжетпес, они, смявшись под тяжестью, словно снежный ком, скользнули под уклон, и диу, не удержав равновесия, рухнул мордой вниз, а когда он поднял голову, в его одиноком глазе вспыхнул страх. Скакавший прямо на диу человек сверкнул мечом и обрушил удар на голову чудовища, деля его череп на две части. От острой боли дикое существо вскочило и бросилось прочь от человека в озеро, там посреди водного простора уронило свое тяжелое тело и застыло, каменея, превратившись со временем в остров.

Тамуз ласково погладил шею коня: “Молодец! Не испугался, не свернул”. Он вытер струящийся пот со лба и поднял голову: на вершине Окжетпес сияло золото пластины. “Так вот куда они метились!” – догадался юноша и, достав из чехла лук, из колчана стрелу, неторопливо прицелился и отпустил тетиву. Сбитое золото подлетело вверх, ударилось о скалу и упало в подставленную ладонь Тамуза.

...Весь стан пери был перевернут, пленные клялись, что Умай исчезла ночью от сильного колдовства, а сделать это могла лишь только царица Ален вместе с окружающими ее жалмауз-кемпир.

– Чтобы ты поняла меня, я должна рассказать тебе о тех временах, когда седая древность была еще юной девой, – Умай внимательно вслушивалась в шипящий шепот змеи.

...Жило в этих краях племя, все у них было по-людски, всего у них было в достатке и избытии, дети росли здоровыми, и никаких войн не было... Но были те, кого сейчас называют “пери”, жившие колдовством. Малыми стали казаться им их знания, стали они общаться с запретным миром тьмы, узнавая его тайны, отдавая в жертву своим покровителям детей пастухов и охотников из людского рода, живших рядом.

Делали они все тайно в угоду темной стороне, только перестала у людей земля родить урожай, начался падеж скота. Голод в багрово-красных одеждах пронесся на знойной колеснице по бескрайним степям. Но черные дела колдунов открылись, и на совете старцы-водители постановили изгнать служителей мрачных сил за пределы Великой Степи. Изгой ушли из леса

в холодную пустыню, не бросив и там своих черных устремлений. А у людей без пери все наладилось: изобилием радовали посевы, стада становились тучными, как прежде... Только перестали в этом племени рождаться мальчишки. Год за годом, как ни высчитывали сроки шаманы, на свет появлялись только девочки. Мужчины быстро старели, а девочки быстро росли, превращаясь в невест, только женихов для них не было. А следом новое поколение девочек вступало в пору ожидания. В сундуках пылилось дедовское оружие и боевое отцовское снаряжение, стал забываться боевой клич-уран.

Однажды в дождливую пору осени, прошли по степи девятью путями белобородые старцы и призвали женщин собраться на перекрестке дорог перед курганом первого человека. Восемь дней шли туда женщины, словно реки широкие стекались, на исходе девятого дня старцы обратились к женщинам, заполнившим всю долину до горизонта.

– Дочери наши! Оглянитесь вокруг! И что же увидите вы? Кому оставите свои крепкие хозяйства, когда придет старость к последней из вашего племени? Неужели не будет звучать детский смех в ваших юртах, и как сможете вы пережить это? Мужья не выйдут к вам из вод Золотого Аральского моря. Вам выпала забота о будущем своего племени!

Старцы поклонились и ушли, а женщины ругались и плакали, спорили и перешептывались восемь дней и ночей. На закате девятого дня выбрали они себе царицу и из каждых десяти тысяч одну наставницу. Всю зиму новая царица и двадцать наставниц решали судьбу своего народа, а по весне разлетелись вестницы по всем восьми частям света с приказом собираться с оружием и в боевом снаряжении. Все лето женщины учились стрелять из луков, биться на мечах, разить копьем, а под осень ушли в южные просторы и вернулись с плененной армией противника. Всех плененных отдали в мужья женщинам, еще способным родить детей, и в новый поход за отцами будущих поколений отправилось женское войско.

Но по-прежнему рождались от захваченных мужчин только девочки... Все дальше приходилось уходить воительницам за моря и горы, сокрушая города-крепости, чтобы привести связанных по рукам, полоненных продолжателей рода. Женщины-воительницы перестали терпеть волю мужчин – используемые в хозяйстве бывшие воины готовили пищу, занимались ковроткачеством, пасли скот. Устав и порядок воинственных женщин царили в степи. Девочки с детства изучали секреты войны, вырастая, становились бойцами, превосходя мужчин в ведении боя, хитрости и жестокости.

Подросло новое поколение невест, и войско во главе с царицей и семью наставницами ушло в далекий поход к холодным лесам, где в березовых лесах скачет восьминогий конь. Когда в небе вспыхнула хвостатая звезда, войско возвращалось с добычей в степь. С каждой ночью становилась ярче звезда и длиннее ее хвост, в один из дней вспыхнул в небе яркий свет, земля задрожала, а потом три дня стоял гул, и пять дней небо было в пыли...

Когда женщины пришли в родные просторы, горю их не было меры. На том месте, где была цитадель воительниц, их аулы, все близкое и родное, зияла огромная яма, необозримая вдаль, неодолимая вглубь. Женщины, отбросив мужественность, скорбели о погибших. А мужчины взяли в руки луки и стрелы, ушли в степь и набили дичи, развели костры и с сочувствием мозолистыми ладонями вытерли горячие женские слезы.

Мужчины стали свободными, но не захотели уходить от своих победительниц. Яма, заполняясь реками, превратилась в озеро, а женщины стали рожать мальчишек. Но не всем хватило мужей, и весной царица повела в последний поход войско под надзором двух наставниц.

Армия воительниц шла по побережью седого моря Каспии, когда разведчики заметили и предупредили: впереди большой столб черного дыма. Это царица пери Урмек, увядая красотой, нашла слова к Вечной Молодости и увлеклась шепотом сложенного заклинания. Синяя жидкость густо парила котел, красные грибы, брошенные в костер, горели черным пламенем. Урмек ликовала: еще немного, и путь мимо пропасти Тамыка к Бессмертию будет открыт для всех пери, а для царицы еще и Вечная Молодость. И не жаль того, что исчезнет все живое на

земле, не будут петь птицы и не будет цветов и травы. Надо только еще... Пери так увлеклась в колдовстве, что заметила войско слишком поздно. Она выпрямилась, понимая, что воительницы не дадут ей доварить отвар до конца: сотни стрел калеными наконечниками готовы были пронзить черное сердце Урмек. Ведьма запела, в небе за клубились тучи, и тогда чародейка закричала, обращаясь к женщинам.

– Вы лишили меня Вечной Молодости, так потеряйте же свою. Вы лишили меня Красоты – так станьте же существами неприкасаемыми. А если вернетесь в свой мир, то лишь тогда, когда появится на земле...

Синий отвар пеной стал переливаться за край котла.

– Хамбала! – Закричала колдунья, простерев руки к клубившейся, наливающейся темную туче, и оцепенела от этого вся армия воительниц.

– Хамбала! – Опять закричала, словно позвала кого-то, ведьма.

Туча треснула тысячами молний, извиваясь, они входили в тела девушек, превращая их в гадюк.

... Не многим удалось воспротивиться колдовским чарам, но и этих было достаточно: пронзенная десятком стрел ведьма Урмек упала, перевернув котел. А молнии все продолжали низвергаться, и уже тысячи змей расползались, испуганно ища укрытия. Когда у потухшего костра остались царица и две наставницы, из тучи вырвались три огненных шара и один за другим устремились к земле. Первый шар превратил царицу и ее коня в горстку пепла. Старшая наставница повторила участь своей повелительницы, вторая из наставниц успела отпрыгнуть в последний миг от лошади. И над побережьем моря Каспии наступила тишина.

– Бедняжка! – сказала удивленная Умай, – так ты из тех воительниц!

Змея замолчала, все так же покачивая головой, но девушке показалось, что в немигающих холодных глазах притаилась слеза.

– Долго ждем мы, наблюдая, как капли жизни падают в реку времени... наши сестры стали бабушками, потом поколения сменялись одно за другим. Наше племя забыло о нас, затерянных среди веков, превратив нашу печаль в мифы, потом в сказки. Лишь мы остались молодыми в телах ползающих, будто связанные по рукам и ногам. Разойдясь по степи, тысячи лет ждали тебя.

– Милая воительница! – грустно улыбнулась змее Умай. – Я все равно не понимаю, почему вы ждали меня и как трагедия ваша может быть связана со мной. Я еще ничего не поняла...

– Ш... ш... Не торопись. Я снова слышу над нами топот копыт. Слушай же дальше... Живой, в настоящем облике, осталась лишь одна из наставниц. Восемь дней и ночей плакала она, а вместе с ней и мы, сплетясь клубком, не знали утешения. На девятый день, смахнув слезы, наставница поднялась и сказала:

– Я пойду и найду тех старцев, если они еще живы. Спрошу мудрецов, ведь мы жили по их заветам, как расколдовать вас, сестры мои и соратницы, а пока живите, как получится, ждите меня.

Она поклонилась и ушла. Долго ее не было, и мы уже потеряли надежду, но как-то желтой теплой осенью пришла к побережью дряхлая старуха и стала кликать нас родовым ураном. Зашевелились травы и пески, на клич к не зарастающему кострищу стали сползаться гадюки, узнавая в согбенной путнице свою пропавшую наставницу.

– Долго бродила я по свету, выпрашивая людей о старцах. День за днем исходила всю землю от дунайских степей до окраин Магоги, от северных снежных лесов – до жарких далеких пустынь, а нашла их у горы Тенгри. Там, на границе вечных снегов, живут они, сторонясь сущего, все о нем зная. Я пришла к ним, пройдя голод и холод, я спросила, как расколдовать вас. Недолго держали они совет и сказали мне. Слушайте! Пройдет по земле дева, отмеченная светом Солнца, в ее глазах, цвета абрикосовой косточки будет жить Надежда земли. Вернутся

утерянные символы Памяти. Вот тогда пери зачохнут, жестырнаки изведут сами себя, люди перестанут бояться зложелателей, и вы снова примите облик человеческий. Только ждать придется, может быть, очень долго... а еще сказали мне мудрецы, что будет в небе рассветным утром знамение в облаках: меч, копьё и щит, слившись, соединятся в узоре необычном.

– Почему ты думаешь, что та дева именно я? Не ошиблась ли ты? Неужели такова моя участь... Мне страшно.

Но вскоре девушка выплакалась и стала прислушиваться к звукам над головой.

– Теперь и ты слышала, как хрипят кони и сыплется камень из-под копыт... Пойми, не смогут женщины спокойно растить детей в радость, пока зложелатели топчут землю рядом. И ты, и потомки твои будут тревожно прислушиваться к ветру ночному, если не решишься пойти по предначертанному пути. Если не поможешь, сломаешься духом, пери пройдут до конца путь к Тамыку, тогда зачохнут на земле травы и леса, а вместе с ними все живое. И мы, – змея печально зашипела, – из степных гадюк не сможем невестами войти в аулы...

– Так что же должна сделать девушка с глазами цвета абрикосовой косточки? Как должна она поступить?

– Ты должна пойти на юг и, как было сказано: у подножия горы Тенгри, на границе вечных снегов в пещере Просветленного ты найдешь ответы на вопросы Великой Степи.

Умай печально вздохнула:

– Как же идти мне в такую даль, если приходится прятаться, слыша топот коней своих врагов...

– В этом пути тебе помогут и птицы и звери, – сказала змея и добавила, – возьми меня на руки... Эта пещера – ход, вырублен он был далекими предками, теми, кто постиг науку победных войн.

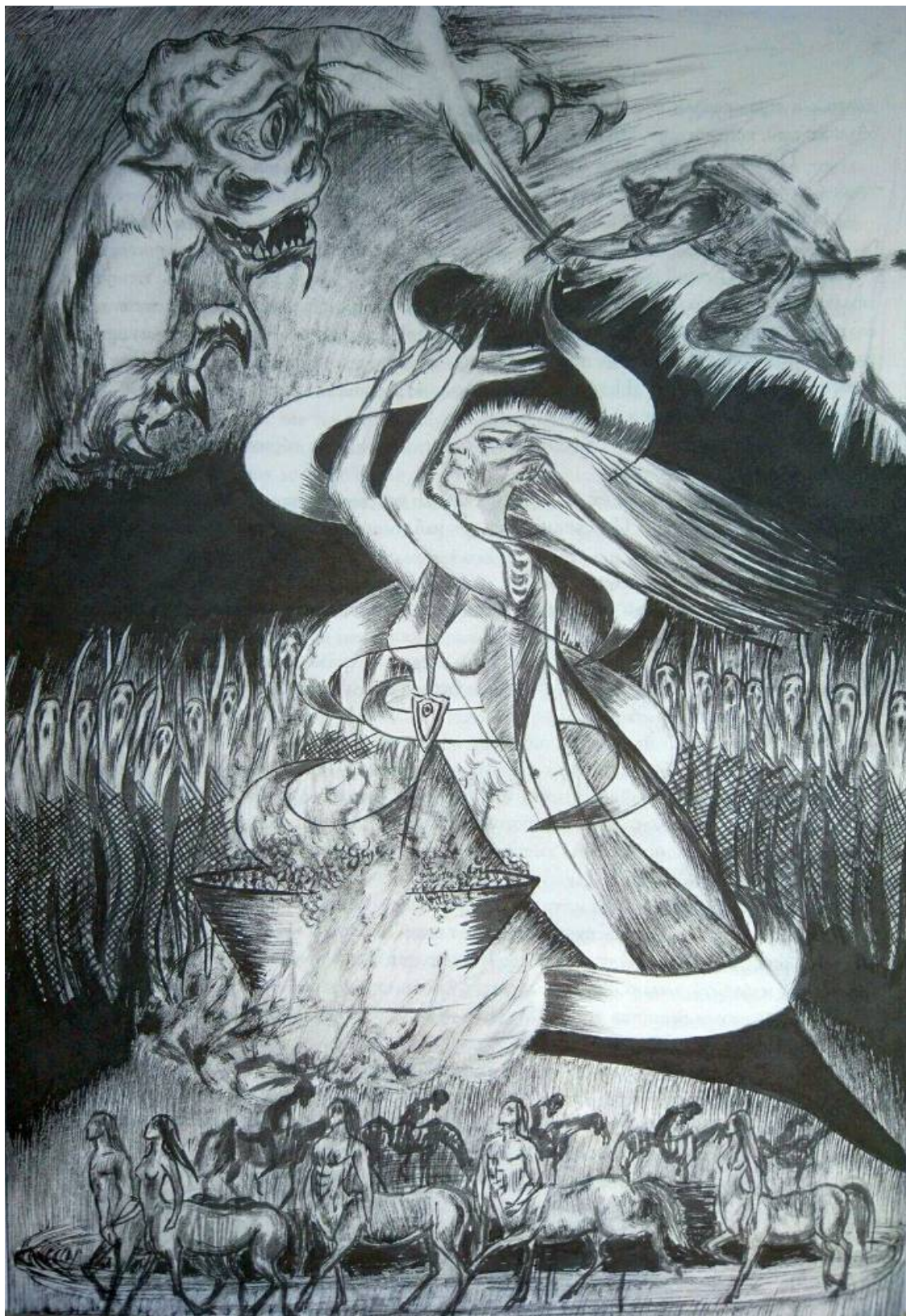
Умай взяла змею на руки и поднялась во весь рост.

– Смело иди вперед. Армия бывших воительниц блеском своих змеиных глаз осветит весь путь, и ты выйдешь этим переходом на другую сторону хребта Синих гор.

Девушка пошла вглубь и за поворотом увидела множество блестящих точек, показывающих все изгибы и повороты тайного военного хода. Весь вечер и половину ночи несла Умай на руках гадюку. “Ну что ж, раз такая моя судьба, если уже распорядился кто-то дорогой моей, придется идти. Живы ли старцы, ведь прошло уже тысячи лет... может сон это все, только проснусь ли я после такого... А если я погибну где-то в степи? Как страшно. Ну, а если дойду до Тенгри, что сказать? Вот, я пришла? Может и вправду получится избавить землю от зложелателей? Ох, и страху мне было от них... Змеи-гадюки девушками вернуться к нам, людям – счастье какое для них будет – ведь столько лет уже ждут!”

Умай слышала вздохи холодных на вид гадюк, немигающими взглядами желтых глаз освещавших весь ее путь. Мимо десятка тысяч змей прошла девушка и глубокой ночью вышла среди неприметных камней, разбросанных в долине за Синими горами. Звезды ярко пылали, и хотелось спать.

– Спи, – сказала змея, – тут земли людей. Здесь для тебя земля всегда будет теплой.

Умай легла на траву, свежим стогом показалась ей молодая зелень, и она спокойно и крепко уснула. Было тихо вокруг, лишь травы порой колыхались – это уползали в посты девушки-воительницы в облике существ неприкасаемых. Воздух, густой от запаха разнотравья, убаюкивал весенним колыханием ветерка. Над головой спящей Умай звезды кружились

в апрельском танце, но уже в ожидании, нетерпении майского. Но вскоре темное небо прорвалось синевой рассвета, вскрикнула вдали потревоженная птица, и умолк сверчок, перестав играть на шан-кобызе.

Когда темное небо прорвалось синевой рассвета, и вскрикнула вдали потревоженная птица, Тамуз проснулся. “Где же Умай? – сердце ныло в груди, колотилось. – Где искать ее теперь?”

Вокруг все спали, завернувшись в походных палатках, а он, поднявшись, пошел к алеющему горизонту.

...Невероятно огромный, великий простор лежал перед Тамузом, готовясь к пробуждению, равнодушно думая о чем-то своем, не замечая в себе человека.

“О, степь родная! Где же Умай? – Горький комок опять подступил к горлу, – Неужели не скажешь, где искать ее в твоих далях, неужели позволишь отдать ее в руки зложелателей? А если погибла она, та, что любит тебя больше жизни, почему от горя ты не стала черна? Как найти мне слова в своем одиночестве, чтобы достучаться ими до тебя?.. Люди всегда находили в тебе еду, одежду и опору, помоги же и мне. Не можешь сказать, дай хотя бы знак, если жива она и здорова...”

Тамуз стоял и ждал...

Первый луч солнца пробил сумрак, и сразу стало светло, запели птицы, прятавшиеся в кустах, ярко-зеленым стал степной ковер. Ветер, будто выпустили его из заперти, появился и колыхнул свежей травой, горькой полынью и еще чем-то неуловимым, от чего наполнилось сердце Тамуза надеждой.

Разоренные лучники-пери бежали, предупреждая встречных о нападении, гибели Ульбе и страшной участи диу. Напуганные победой людей, пери собирались на западном, внутреннем склоне Синих гор, куда еще раньше, сразу же после исчезновения золотокошой беглянки по приказу Ульбе ускакали дозорные передовые отряды Барена, чтобы замкнуть выходы за хребет. Всех их напугал щит, при взгляде на который в сердца пери вселился обессиливающий страх, и совсем не действовало чародейство, и меч, который рубил любую защиту, от блеска которого хотелось спрятаться... Вспомнилась вселившая тревогу, полузабытая сказка о подобном оружии: была у людей сила, не подвластная чарам магии, но люди, когда-то ее навсегда, безвозвратно потеряли. Нерешительности добавило исчезновение золотокошой пленницы, которую

тоже связали с памятью из прошлого. И теперь, растерянные, они ждали выехавшую к ним вместе с самыми влиятельными жалмауз-кемпир Великую царицу Ален.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.